

Внимание этнографов, несомненно, привлечет раздел, в котором специально исследуется роль и место традиций в духовной жизни народов освободившихся стран (стр. 299—311). В связи с неоднозначным употреблением термина «традиция» в советской научной литературе автор анализирует содержание этого понятия и его диалектической противоположности — «социального новаторства», рассматривает соотношение традиции и ритуала, высказывает некоторые общие соображения о месте традиций на разных этапах всемирной истории (стр. 299—302). Значительный интерес представляет анализ отмеченного К. Марксом парадокса временного оживления традиций в эпохи социального творчества (стр. 303, 304).

В одной книге, разумеется, невозможно в равной мере осветить все аспекты такой темы, как «Общинные структуры и некапиталистический путь развития». Рецензируемая работа — удачный опыт комплексного исследования этой сложной проблематики. И все же жаль, что автор почти не уделил внимания проблеме культурной революции (стр. 165, 309, 310), которая имеет во всяком случае не меньшее отношение к предмету исследования, чем связанная с ней проблема научно-технической революции, удостоившаяся довольно значительного раздела (стр. 146—189). Ведь, как известно, культурная революция — необходимое условие радикальных экономических и политических преобразований в бывших колониях и зависимых странах, избравших некапиталистический путь развития, без нее невозможны преодоление общинно-трибалистской идеологии, активное и сознательное использование крестьянскими массами традиций общинного коллективизма и демократизма в процессе строительства новой жизни. И в этом отношении исторический опыт малых народов Сибири и Дальнего Востока, республики Средней Азии и Казахстана целесообразно было бы сопоставить со сходными тенденциями в современных странах социалистической ориентации.

Автор обоснованно анализирует проблемы некапиталистического развития освободившихся государств на примере ряда стран Тропической Африки. В книге встречаются также отдельные упоминания об аналогичных явлениях и процессах в Бирманском Союзе. В Океании пока нет стран социалистической ориентации. Но при анализе общинных структур, особенно патриархально-общинного типа, стоило бы, на наш взгляд, привлечь океанийский материал, так как на некоторых островах, в первую очередь на Новой Гвинее, традиционные общества сохранились в большей неприкосновенности, чем в современной Тропической Африке. Не случайно в послевоенный период Новая Гвинея превратилась в своего рода Мекку для этнографов, экономистов и социологов, изучающих традиционные общинно-родовые структуры и их трансформацию под влиянием товарно-денежных отношений. Между тем в книге лишь дважды упоминается Океания, причем в одном случае допущена неточность: вопреки сообщению автора (стр. 71) в Новой Зеландии не было и нет резерваций для коренного населения.

В монографии значительное количество повторов. Это относится как к отдельным теоретическим положениям, так и к фактическим деталям. Повторения во многом объясняются структурой исследования: автор вначале анализирует тенденции и стадии некапиталистического развития в целом, а затем отдельных его сторон, возвращается к исследованию уже рассмотренных вопросов при специальном анализе традиций и т. д. Но все же представляется, что части повторов можно было бы избежать.

В книге И. Л. Андреева использованы и проанализированы данные многих научных дисциплин. Соответствующие специалисты, возможно, выскажут свои замечания, отметят дискуссионность некоторых положений. Но не подлежит сомнению, что перед нами ценное и глубокое исследование, вносящее крупный вклад в разработку теории некапиталистического развития.

Рецензируемая работа заслуживает пристального внимания не только ученых-обществоведов, но и более широкого круга читателей — преподавателей, студентов, журналистов, пропагандистов — всех тех, кто интересуется проблемами некапиталистического развития. Тем обиднее, что эта интересная и актуальная книга издана очень маленьким тиражом (1000 экз.). Весьма желательно ее новое — возможно, несколько дополненное и доработанное — издание. Стоит также подумать о ее переводе на иностранные языки.

Д. Д. Тумаркин

Raoul et Laura Makarius. Structuralisme ou ethnologie. Pour une critique radicale de l'anthropologie du Lévi-Strauss. Paris, 1973, 360+16 стр.

Книга составила из 7 статей, опубликованных авторами в журнале «L'homme et la société» за 1967—1971 гг. Прибавлено обстоятельное «Введение». Почти все статьи направлены против структурализма Клода Леви-Стросса. Авторы — натурализировавшиеся во Франции выходцы с Арабского Востока. Убежденные сторонники эволюционизма, они в то же время тяготеют (в ранних работах, быть может, стихийно, а позже все более сознательно) к марксизму, избегая, однако, особенно афишировать свою близость к нему.

Первая большая работа супругов Макариус — «L'origine de l'exogamie et du totémisme» (Paris, 1961). В ней авторы пытались дать материалистическое объяснение явлений экзогамии и тотемизма¹.

В 1971 г. Рауль Макариус издал французский перевод книги Л. Моргана «Древнее общество» — первое французское издание этой классической книги², переведенной уже ранее на многие языки.

Макариус снабдил это издание обстоятельным «Представлением» (Presentation) и отдельными «Введениями» к каждой из четырех частей книги, в которых он резко полемизирует против антиэволюционистов, критиковавших Моргана, но и сам делает по адресу Моргана критические замечания и поправки сообразно современному уровню знаний. Эти свои дополнения и замечания Макариус издал отдельной брошюрой³.

В настоящей книге Макариусы, решительные противники структурального метода Леви-Стросса, собрали воедино и дополнили свои прежние выступления против этого, столь прославленного в наши дни ученого. Ниже приводится содержание книги.

После обширного «Введения» (стр. 7—73) идут статьи: «Вопросы и ответы», «Понятие социальной структуры и его идеологическая роль в структурализме», «Ягуары и люди», «Символизм левой руки», «Охота на орлов у хидатса», «Печальные структуры», «Апофеоз Цинны — миф о рождении структурализма».

«Введение» начинается с картины глубокого кризиса, в который вступила «этнология», отвергнувшая полвека тому назад «эволюционистские и компаративистские принципы основателей» (под основателями разумеются Морган и другие классики-эволюционисты).

Причину этого кризиса Макариусы видят в том, что господствующим кругам академической науки (имена авторы не называют) показалась «опасной» этнология, которая «раскрывает социальные и идеологические факторы, определяющие характер человеческих учреждений». Отсюда то замалчивание трудов Моргана, о котором писал еще Энгельс; принятие учения Моргана марксизмом, «победа русской революции» «сделали фигуру Моргана еще более опасной».

Отказ от эволюционизма сочетался с отказом от всяких попыток объяснения, от сравнительного метода (стр. 8—10). Проблемы изучения первобытного общества были затушеваны; «племя скрылось за семьей», которую объявили вечной; классификаторские системы родства, тотемизм объявлены несуществующими. В Англии это течение, враждебное всякому объяснительному исследованию, приняло форму «функциональной школы, подобного орудия колониальной администрации». Глава этой школы Малиновский прямо заявил, что «лучшая форма объяснения — это хорошее описание» (стр. 10, 11).

Но функционализм зашел в тупик, ибо его выводы оказались обманчивыми — особенно в годы «деколонизации». Найти выход из тупика надеялись в структурализме (стр. 11; о том же см. стр. 281, 282).

Критика функционализма со стороны структурализма не была его отрицанием; напротив, структурализм поднимает проблематику функционалистов на такой уровень, где факты уступают место уравнениям и абстрактным формулировкам и поэтому «уже не может ставиться вопрос о их социальном детерминировании, и нет риска, что проблемы будут поставлены в терминах социологической каузальности» (стр. 2).

«Структурализм не только не возвращает этнологическую мысль на путь, ведущий к объяснению, но он повторяет, хотя в ином ключе, бесплодные и пораженческие тезисы Лоуи и его учеников, с тем только преимуществом, что он освободился от обязанности быть точным, которой придерживались те ученые в силу традиционного уважения к фактам» (там же).

Метод структурализма по существу исключает всякое объяснение. «В структурализме поиски объяснения элиминированы вследствие элиминирования всего того, что имеет конкретный, эмпирический характер, т. е. фактов. На их место он подставляет связывающие их отношения» (стр. 12). «Отношения между фактами» последовательно интегрированы «в обширную систему, от которой должны зависеть все отношения» (стр. 12). Но ведь «поставить необъясненные факты в отношения между собой — это не делает их более объяснимыми» (стр. 13). Тут и явный риск ошибки: наряду с действительными отношениями могут утверждаться и случайные, фиктивные, воображаемые. Поэтому структуралистские «объяснения» «не только ничего не объясняют, но загромаждают путь к объяснению» или даже закрепляют заблуждения (стр. 13).

Авторы приводят несколько примеров таких натянутых и ошибочных «объяснений» (стр. 13—21).

Структурализм заменяет изучение реальных связей между явлениями установлением «оппозиций». Однако «раз только реальные отношения получают объяснение...

¹ См. С. А. Токарев. Новое о происхождении экзогамии и тотемизма, в сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии в Азии», М., 1968.

² Lewis H. Morgan, La société archaïque, Traduit de l'américain (sic!) par H. Jaouiche. Présentation et Introductions de Raoul Makarius, Paris, 1971.

³ R. Makarius, Guide critique à la lecture de la Société archaïque de L. H. Morgan, Paris, 1971.

структуральная игра становится невозможной» (стр. 20). «Действительно, для структурализма этнологическое объяснение есть враг не только по хорошо известным идеологическим причинам, но и потому, что оно несовместимо с возможностью применить метод анализа, который он (структурализм) проповедует» (стр. 20).

Макариусы отнюдь не отрицают существования «оппозиций» в этнографической области, но эти оппозиции должны, по их мнению, каждый раз объясняться исторически, «этнологически». Это один из видов тех бесчисленных и разнообразных противоречий, которыми полна общественная жизнь. Оппозиции, — пишут они, — это «островки достоверности» в море неопределенных и неосознанных противоречий, магических представлений, participations и пр. «Левое не есть правое, мужское не есть женское, ночь не есть день». Порой оппозиции служат меткой для какой-то классификации: например, правый — левый как признак социального деления (стр. 52—64).

Эти-то реальные противоречия, которыми наполнена общественная жизнь людей, и которыми, в частности, порождается мифология (ибо «противоречие есть мать мифа»), структурализм, всюду разыскивающий формальные «оппозиции», игнорирует (стр. 64—66).

В особой статье «Ягуары и люди» авторы на примере нескольких южноамериканских мифов стараются показать искусственность и произвольность структурного анализа этих мифов у Леви-Стросса. Они указывают, в частности, на то, что не всякое различие есть оппозиция. Например, понятию «мужчины» можно противопоставить не только «женщину», но и «ребенка», «животное», «бога» и пр. (стр. 188). Кроме того, оппозиция в чьих глазах? То, что противоположно для Леви-Стросса, может быть совсем не противоположно для индейцев, и наоборот (стр. 190). О произвольности леви-строссовских «оппозиций» авторы говорят и в других местах книги (стр. 290—295 и др.).

В последней статье сборника («Апофеоз Цинны») авторы на нескольких ярких этнографических примерах иллюстрируют очень важное возражение против концепции оппозиций Леви-Стросса: оказывается, что главнейшие «оппозиции» у отсталых народов — это не противоположность «природа — культура», как полагают Леви-Стросс и его сторонники, а вполне реальные противопоставления: обычай — нарушение обычая, порядок — беспорядок, чистое — нечистое, социальное — антисоциальное (стр. 330—332, 337, 343 и др.).

Несовместимость между структурализмом и этнологией Макариусы иллюстрируют еще и тем, что Леви-Стросс систематически старается лишить этнологические факты всей их специфичности, а значит, и исторической обусловленности. Например, он считает, что тотемизм — иллюзия отсталых этнологов; тотем аналогичен фамильному прозвищу; табу тестя и тещи уподобляется уважению к президенту республики; австралийские чуринги сравниваются с нашими архивными документами; употребление выделений тела — с мусолением почтовых марок; положение кастовых кузнецов — с положением наших специалистов и ученых; пищевые запреты индейцев — с нашими застольными обычаями и этикетом (стр. 27, 28).

«Структуралистическая система основывается на том принципе, что сам по себе факт не имеет собственного значения, а что ему придают смысл его отношения с другими фактами». Леви-Стросс пытается обосновать это положение путем аналогии с данными лингвистики: ведь в языке фонемы сами по себе не имеют значения, а сочетание их — слово — имеет. Но Леви-Стросс при этом забывает, что смысл слова — произвольный, сочетание же фактов имеет отнюдь не произвольный, но вполне детерминированный смысл (стр. 30, 31).

Аналогия с языком заставляет Леви-Стросса и мифы рассматривать как явление лингвистическое. На самом деле мифы — факт этнологический; поэтому и входящие в них элементы имеют и сами по себе значение, а не только через их сочетание (стр. 32).

Предшественником леви-строссовского структурализма Макариусы считают американского этнографа Роберта Лоуи, который показал (по словам самого Леви-Стросса), «чем факты не являются». Тем самым «он (Лоуи. — С. Т.) дезинтегрировал произвольные системы и мнимые корреляции; этим он как бы освободил умственную энергию, которую мы все время черпаем». То есть, поясняют Макариусы, Лоуи «лишил факты и понятия их содержания и сделал их доступными игре в комбинации» (стр. 137). Леви-Стросс заимствовал у Лоуи также и чисто формальный (а не исторический как у Моргана) подход к терминологиям родства, и чисто формальное понимание тотемизма (стр. 38, 39). Философскую же почву для такого подхода к явлениям Макариусы видят в неопозитивизме Эрнста Маха, который, кстати, был личным другом Лоуи (стр. 40). Мах — основоположник «эмпириокритицизма», идеалистическая сущность которого была показана в свое время В. И. Лениным.

Социальная антропология, говорится в книге, сначала (в лице Лоуи) «потрясала фактами, чтобы разрушить концепции», а кончила она тем, что оторвалась от реальности и закрепилась в абстракции. Антропология, изгнавшая сравнительный метод, кончила «растрепанными сравнениями» (comparaisons echevelees) леви-строссовских «мифологий». «Антропология, начавшая с отказа от теорий, так как они грозили исказить факты, кончила систематическим извращением (distorsion) всего того, к чему бы она ни прикоснулась» (стр. 71, 72).

На нескольких примерах Макариусы показывают, что манипуляции Леви-Стросса с бинарными оппозициями возможны только при неполной изученности фактов, при неопределенности объекта (стр. 42—48).

По мнению Макариусов, главная ошибка Леви-Стросса в понимании «первобытного мышления» состоит в том, что он считает первичной формой человеческого мышления дискретную («дисконтинуальную», *discontinue*) мысль, «т. е. действующую при помощи различий и оппозиций», и уже позднейшей реакцией против нее считает он «мысль континуальную, т. е. ассоциативную, активную и партиципирующую». «На самом деле верно как раз обратное: именно ассоциативная мысль, а не какая-то воображаемая „структура ума“ объясняет употребление оппозиций в общественной жизни племенных народов» (стр. 62).

В заключение своего «Введения» авторы пытаются определить ту социальную почву, на которой мог зародиться и расцвести структурализм. Присущая структурализму «десубъективизация человека, превращение его в „ментальную структуру“ — это тенденция современного «овеществленного» общества — «сверхиндустриализованного общества монополистического капитализма» (стр. 67).

«Под каким бы аспектом мы ни рассматривали структуральную теорию, она отражает отблеск технократического общества, будучи его самым законченным выражением...». «Подменяя социальную действительность наукообразным мифом, структурализм становится в некотором роде симуляцией антропологии» (стр. 68).

Антропология, полагают Макариусы, «даже в лучшие свои дни страдала от механического подхода, который, от Моргана до Леви-Стросса, от века локомотива до века атома и вычислительных машин, все резче проявлялся с ритмом технологического роста. В этой кривой структурализм достиг крайней точки. Теперь нужно создать обратное движение, благодаря которому антропология могла бы вернуться к своим целям, от коих она так отделилась, и вновь стать источником обновления для человека, которому все более угрожает овеществление (*reification*)» (стр. 69).

«Антиматериалистический замысел», который из боязни марксизма отвергал рационалистический эволюционизм и потому систематически выворачивал наизнанку «даже лучше всего засвидетельствованные факты», «кончил тем, что создал свою собственную пародию». Структурализм стал «лупой, увеличивающей ошибки и заблуждения этнологии XX века» (стр. 72). Авторы надеются, однако, что пробудится «критический дух», и этнология вернется к «основам, сообразным с ее спецификой» (стр. 72, 73).

Первая статья, следующая за «Введением», называется «Вопросы и ответы»: это своего рода интервью об оценке структурализма, организованное журналом «*L'homme et la société*». Здесь речь идет главным образом о взглядах Леви-Стросса на тотемизм, изложенных в его книге «*Totémisme aujourd'hui*». На этой частной проблеме авторы показывают, что Леви-Стросс, во-первых, путает понятия, подменяя один вопрос другим, а во-вторых, что он, стремясь доказать нереальность тотемизма как особого явления, без сколько-нибудь веских оснований зачисляет в ряды своих предшественников и единомышленников по взглядам на тотемизм таких ученых, как Тэйлор, Гольденвейзер, Боас, Радклифф-Браун.

«Вопрос: можете ли вы сказать в нескольких словах, с какой целью проделывает Леви-Стросс такие акробатические интерпретации?»

Ответ: Клод Леви-Стросс — человек, одержимый великим замыслом: свести как можно большее количество проявлений социальной жизни к тенденциям, присущим человеческому уму (*l'esprit humain*)....».

Из тех же универсальных «структурных законов» Леви-Стросс выводит и институт брака — как универсальную структуру обмена, основанную на «глобальной структуре взаимности», игнорируя при этом историческую изменчивость форм брака (стр. 97, 98).

«Вопрос: Как же вы, в заключение, оцениваете структурализм?»

Ответ: Лишенная эволюционизма, этнология перестает быть наукой о социальной реальности в ее движении, а становится изучением тех форм, какие принимает эта реальность, форм, изучаемых независимо от содержания...» (стр. 98).

Чтобы избежать упрека в идеализме, Леви-Стросс любит ссылаться на основоположников марксизма. Он цитирует, в частности, известные слова Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они не знают, что они ее делают». В действительности, пишут Макариусы, Леви-Стросс очень далек от Маркса. В то время как по Марксу люди не знают, что они делают свою историю, потому что она определяется материальными силами, которых они не сознают, — для Леви-Стросса история потому не осознается людьми, что она управляется бессознательными детерминациями, заложенными в их уме («*dans leur esprit*», стр. 100).

Следующая статья посвящена «понятию социальной структуры и ее идеологической роли в структурализме. Здесь показано, что в концепции Леви-Стросса понятие «социальной структуры» относится не к «эмпирической реальности», а к абстрактной «модели», через которую, по мнению французского ученого, только и можно достигнуть познания. Такой трактовкой социальной структуры преследуется, по словам Макариусов, «идеологическая цель — создать препятствие марксистскому объяснению социальных явлений» (стр. 105). Выраженные в «моделях» социальные факты уже не поддаются «исторической интерпретации», а ее-то больше всего боятся «консервативные

умы» (стр. 105). По Леви-Строссу, модель есть «единственная реальность» (стр. 106). Он резко различает «социальную структуру» и «социальные отношения» (стр. 109). Своим тезисом о том, что «социальная структура» относится к «модели», а не к «эмпирической реальности», Леви-Стросс достигает той цели, что проверка этой «модели» на фактах становится невозможной (стр. 110—111). Авторы иллюстрируют сказанное на примере трактовки Леви-Строссом обычаев обязательных и предпочтительных браков, запрета инцеста, экзогамии (стр. 112—123).

Общая идеологическая цель структурализма, по словам авторов, — «отвергнуть во что бы то ни стало марксистскую диалектику истории» (стр. 119, 120).

Чтобы познать некую социальную структуру, пишут они, недостаточно рассмотреть комбинацию ее элементов, — необходимо прямое и конкретное (т. е. этнографическое) изучение этих элементов. Структурализм же оставляет без рассмотрения содержание структуры, а «отсылает нас к алгебраическим формулам оппозиций... лишенных всякого значения» (стр. 136).

«Структурный анализ, — так заключается статья, — находит себе поле приложения только там, где факты, над которыми он манипулирует, являются и остаются непонятными. Тогда он укладывает их в оппозиции, отсылаемые к бессознательным и несводимым структурам ума, элементарным структурам непонимания (*structures élémentaires de l'incompréhension*)» (стр. 139).

Одна из статей сборника носит выразительное название «Печальные структуры» (*Tristes structures*) — проническая пародия на заголовок одного из главных сочинений Леви-Стросса — «Печальные тропики». Макариусы подвергают здесь критике основной методологический тезис структурализма, согласно которому главный способ познания — проникнуть в «бессознательную структуру» ума, лежащую в основе каждого обычая (стр. 277). Этот тезис означает полный разрыв со всей существующей до сих пор методологией, требующей «рассмотрения фактов в их конкретных проявлениях» (стр. 278). Исторический и эволюционный подход заменяется «символическим» (стр. 279). Леви-Стросс пытается «превзойти» обычную «натуралистическую интерпретацию» явлений. На самом же деле он не «превосходит», а полностью ниспровергает этнологические методы: понятие социальной структуры «относится уже не к совокупности доступных наблюдений на эмпирическом уровне социальных отношений, а извлекается из моделей, построенных исходя из этих отношений» (стр. 280).

Авторы видят в этом ниспровержении Леви-Строссом этнологического метода проявление духа эпохи, обозначившегося с начала нашего столетия. Это эпоха «все более и более резкой враждебности к социологическому эволюционизму».

Леви-Стросс, по мнению Макариусов, страшно обедняет и главный предмет своего исследования — мифологию. «Отношение между мифами и обрядами, функция мифа как посредника между социальными требованиями и человеческой практикой, его идеологическая роль, направленная к оправданию общественного поведения, а также к тому, чтобы служить орудием объяснения, описания, напоминания, — все эти соображения устранены одним росчерком пера. Мифы, занимающие первостепенное место в первобытной жизни, — что показывает, что они отвечают общественным потребностям, на которые нельзя закрывать глаза, — все это низведено Леви-Строссом до ранга экзерсисов воображения, долженствующих удовлетворить потребности логической связности, которую испытывают умы, мучимые принципом непротиворечия» (стр. 296).

Поэтому неудивительно, — пишут авторы, — что Леви-Стросс считает «самым важным» в мифах вовсе не их содержание, не реальную понятность мифа, а его «алгебраическую понятность» (стр. 296). На самом же деле объяснение и самого мифа, и его структуры может быть достигнуто «только через этнологический анализ его содержания» (стр. 298).

Общий итог всего изложения такой: «Несмотря на двусмысленность в выражениях, — пишут авторы, — имеющую целью сбить с толку и запугать критику, ход мысли Леви-Стросса восстановить нетрудно. Этнологические факты сами по себе не важны. Их специфический характер подвержен случайностям и капризам событий, и было бы тщетной претензией пытаться понять их исторически и социологически, т. е. конкретно. Имеют значение только отношения между фактами; природа фактов зависит только от случайности. Социальная жизнь группирует в наших глазах совокупности фактов, которые представляются нам как системы, обладающие объективностью, и структурированные отношениями, связывающими их между собой. Порожденные деятельностью людей, эти факты опосредствованы (*mediatisés*) и управляются умом недоступным для нас способом, т. е. структурами бессознательного» (стр. 311).

«В конце концов, все сводится к ответу на такой вопрос: законы, присущие уму и в то же время вещам — ибо ум есть вещь, — являются ли они законами ума, которые правят вещами, или законами вещей, которые правят умом? Это различие важно, так как оно отмежевывает идеализм от материализма, во всяком случае с марксистской точки зрения». Идеализм исходных позиций структурализма не оставляет сомнений (стр. 316).

В заключение авторы показывают, что попытки Леви-Стросса отмежеваться от идеализма, опереться на некоторые мысли Энгельса, защититься авторитетом Мосса и др. — неосновательны (стр. 316—320). Его система — идеалистическая. Только идеалист может сводить противоречия в социальной жизни к «бессознательным структу-

рам ума» и не видеть того, что все «оппозиции» в общественной жизни людей «вытекают из материальной структуры социальной организации, а не из мнимых структур ума» (стр. 323).

Авторы считают, что неправы те марксисты, которые пытаются примирить структурализм с марксизмом — «согласить несогласимое» (стр. 324—326).

* * *

Таково вкратце содержание сборника полемических статей супругов Макариус. Попробуем резюмировать: что нового вносит в науку этот критический разбор структуралистской концепции Леви-Стросса? С каких позиций ведется критика? Во всем ли она правильна? Достаточно ли полна и принципиальна?

Эти вопросы, разумеется, не могут не быть спорными, и рецензент может здесь изложить лишь свою собственную точку зрения.

Прежде всего — насколько точен адрес критики? Авторы книги направляют свою полемику против «структурализма» как такового. Но, как известно, есть структурализм и структурализм. Под этим довольно неясным термином фактически кроются воззрения, весьма мало похожие друг на друга. При самом грубом обобщении нельзя не видеть принципиальной разницы между условно так называемым «французским» структурализмом (идущим идейно от сосюрковского направления в лингвистике, а косвенно от Дюркгеймовской социологической школы) и «английским» структурализмом, восходящим к функционализму Радклифф-Брауна. Существенную разницу между взглядами этого английского этнографа и взглядами Леви-Стросса Макариусы сами хорошо видят и все-таки продолжают полемизировать против «структурализма» как такового, хотя все принципиальные возражения, направляемые в данной книге против «структурализма», относятся по справедливости только к концепции Леви-Стросса и несколько не задевают английских структуралистов.

Посмотрим в таком случае, насколько правы авторы в своей полемике против собственно Леви-Стросса.

Мне думается, что им удалось действительно нащупать самый уязвимый пункт в теоретическом построении Леви-Стросса: это подмена изучения реальных фактов общественной жизни изучением «отношений» между этими фактами; пренебрежение содержанием общественных явлений в пользу одностороннего внимания к их формальной стороне; форма в отрыве от содержания — все это на самом деле нельзя не признать крупнейшими методологическими пороками, обесценивающими теоретические выводы исследования, обрекающими автора на чисто словесные рассуждения.

Макариусы, видимо, правы, полагая, что увлечение Леви-Стросса «игрой в оппозиции» сыграло недобрую роль в его отходе от изучения действительности. Умственные «оппозиции» заслонили от него реальные противоречия общественной жизни: он их не хочет видеть. Макариусы правы, очевидно, и в том, что Леви-Стросс нередко приписывает свои собственные «умственные оппозиции» изучаемым им отсталым народам; прежде всего это относится к пресловутому противопоставлению «природа — культура».

Но в этом пункте критика Макариусов, мне думается, неполна. Помимо «бинарных оппозиций», Леви-Стросс часто пользуется другой графической формулой — фигурой треугольника. И здесь еще отчетливее видно, в какой познавательный тупик заводит исследователя увлечение формально-графическими фигурами, абсолютно лишенными конкретного содержания. Исследователь, который видит какую-то аналогию между «кулинарным» треугольником (сырое — вареное — гнилое), фонетическими треугольниками (а—и—у, п—т—к), жизненным треугольником (жизнь — сон — смерть)⁴, явно стоит на пути, ведущем в никуда.

Интересна мысль Макариусов (но она требует серьезной проверки), что весь метод Леви-Стросса есть лишь спекуляция на недостаточной изученности предметов исследования. Эти предметы лишь до тех пор поддаются «игре в оппозиции», пока они не изучены конкретно, каждый в отдельности. Какая-то доля правды в этой критике, видимо, есть; однако едва ли можно делать из нее тот вывод, что, стоит-де хорошенько изучить каждое из явлений общественной жизни и культуры, и уже излишним будет интересоваться какими-то их структурными взаимосвязями.

Очень оригинальна и интересна с историографической точки зрения попытка Макариусов вскрыть социальные корни самого структурализма и его идейные связи с другими течениями в науке. Любопытна мысль (тоже требующая проверки) об американской школе Боаса (и особенно о его ученике Роберте Лоуи) как об идейных предтечах Леви-Стросса: они-де «дизинтегрировали» установившиеся некогда в науке связи между явлениями, расшатали эти связи и тем самым позволили «структуралистам» свободно комбинировать явления, как им вздумается. Сопоставление, однако, несколько неожиданное, ибо идейные истоки у американской «исторической» школы, с одной стороны, у западноевропейских структуралистов — с другой, — все же совсем разные:

⁴ Cf. Lévi-Strauss, *Le triangle culinaire*, «L'Arc», Marseille, 1967, p. 26; его же, *La pensée sauvage*, Paris, 1962, p. 314.

у первой неокантианское противопоставление гуманитарных и естественных наук, доведенное до принципиального агностицизма и скептицизма в отношении всяких обобщений и поисков исторических законов; у вторых — позитивистско-идеалистический социологизм Дюркгейма, игнорирующий историю, но ищущий социальных законов.

Попытка же Макариусов обнаружить социальные, классовые корни у современного структурализма — найти эти корни в самом духе эпохи монополистического капитализма, конечно, заслуживает внимания; однако она грешит чрезмерным упрощением действительности. Связь новых идейных течений в этнографии с духом эпохи отрицать нельзя. Но она не такая уж однозначная. А главное, конечно, неправильно изображать всю историю этнографической науки с начала нынешнего столетия как сплошное и неуклонное падение, а структурализм — как низшую точку этого падения. Если бы это было так, история нашей науки приняла бы довольно странный вид.

В этом-то, пожалуй, и заключается самое слабое место полемики Макариусов против Леви-Стросса. Poleмика эта ведется с позиций эволюционизма XIX в. Эта эпоха представляется авторам как пора расцвета этнографической науки, а всякое отступление от эволюционизма в последующее время — как регресс науки. При этом эволюционизм запросто отождествляется с историзмом. Однако трудно стать на сторону авторов в этом вопросе. Огромное прогрессивное значение трудов классиков этнографии в то время — особенно трудов Моргана — отрицать невозможно. Однако и вернуться в наши дни к уровню науки XIX в. мы не можем. Наука в целом, несмотря на отдельные попятные шаги, движется вперед.

Занятая авторами позиция объясняет нам и то, почему они, уже много раз выступавшие в печати по поводу взглядов и работ Леви-Стросса, до сих пор не нашли у него (или не сочли нужным отметить) ни одной положительной идеи. Не сказано ни одного доброго слова. Получилась картина, даже мало правдоподобная: крупный ученый, человек богатой эрудиции, располагающий своим огромным полевым материалом, за много лет добросовестного труда так-таки ничего полезного для науки не сделал, а только все время тянул и тянет науку назад. Едва ли серьезного читателя удовлетворит такой вывод.

И еще один минус книги Макариусов: авторы ни словом не упоминают те дискуссии, какие имели и имеют место по поводу структурализма и, в частности, о взглядах Леви-Стросса. Не говорят ничего о своих предшественниках и единомышленниках по критике этих взглядов. Создается впечатление, будто авторы книги впервые в науке взяли на себя задачу критически разобраться в спорных проблемах структурализма. Но ведь это не соответствует действительности.

В заключение надо сказать, что едва ли оправдана сама резкость и непримиримость постановки вопроса, выразившаяся даже в заглавии книги: «Структурализм или этнология». Подчеркивается несовместимость этих двух вещей: или ты структуралист, или ты этнолог, т. е. этнограф. Этнолог не может быть структуралистом, структуралист не может быть этнологом. Но так ли это?

С. А. Токарев

НАРОДЫ СССР

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973, 165 стр.

Рецензируемая книга — одно из свидетельств научной деятельности этнографов Казанского университета, с 1947 г. систематически изучающих русское сельское население Татарии. История этого населения органически связана со сложным миграционным движением русских в Приволжье, Заволжье, на Урал и в Сибирь, начавшимся со второй половины XVI в. Без конкретного представления об этом движении и его направлении, времени заселения русскими новых земель и их хозяйственном освоении нельзя выяснить характер хозяйственных, культурных, бытовых и идеологических взаимоотношений между оседавшим на территории Татарии русским и аборигенным населением. К сожалению, мы еще не располагаем новейшими обобщающими работами по истории заселения русскими Казанского Поволжья в XVI—XVIII вв. Посвящая свою книгу пореформенному периоду, авторы учли необходимость отразить особенности заселения русскими территории Татарии и в первой главе книги («Историко-этнографический очерк») показали, с одной стороны, хронологическую последовательность, а с другой — неравномерность заселения отдельных районов края со второй половины XVI в. и на протяжении последующих веков. Исследование, основанное на собранных путем многолетнего труда полевых, архивных и литературных данных, территориально охватывает всю бывшую Казанскую губернию и сопредельные с ней районы бывших Самарской, Симбирской, Уфимской и Вятской губерний. Наблюдения авторов о слож-